

*Сила народная,
Сила могучая –
Совесть спокойная,
Правда живучая!*

Н.А. Некрасов.

«Кому на Руси жить хорошо»

Много ли, уважаемый читатель, можно назвать людей, которые бы достигли *сияющих вершин в разных областях человеческого духа*, которые бы стали украшением не только того времени, в котором жили, но и подвигли на большие свершения последующие поколения? Много ли таких, кого с равным правом можно причислять к сокровищам мирового уровня как в области науки, так и культуры?

Нет, очень мало таких богатей! Об одном из них, которого уже 128 лет нет с нами, пойдет речь в этом очерке. Радостно на душе, что человек этот родился, жил, творил в России и ей же оставил все добытое им научное и музыкальное богатство. В вечное пользование. Наша задача – сохранить его.

Великий русский композитор и выдающийся ученый-химик Александр Порфирьевич Бородин родился в Петербурге 31 октября (12 ноября по н.ст.) 1833 года от неофициального брака 62-летнего грузинского князя Луки Семеновича Гедеанова и 25-летней русской мещанки Авдотьи Константиновны Антоновой. Так как по нравам того времени внебрачные дети не приветствовались и были

незаконны, то при рождении он был записан как сын крепостного слуги князя Порфирия Ионовича Бородина и его жены Татьяны Григорьевны. До семи лет мальчик являлся крепостным своего отца, который перед смертью в 1840 году дал сыну вольную и купил четырехэтажный дом для него и Авдотьи Константиновны, выданной замуж за военного врача Клейнеке.

Поскольку подлинное происхождение мальчика нельзя было оглашать, то в обществе мальчика представляли как племянника Авдотьи Константиновны. Из-за происхождения, не позволявшего поступить в гимназию, Саша Бородин проходил домашнее обучение по всем предметам гимназического курса, изучал немецкий и французский языки, математику, историю; в итоге получил прекрасное образование. Мать тщательно следила за его развитием и была довольна сыном.

С детства маленький Саша проявлял большой интерес к естественным наукам, особенно к химии, и с увлечением занимался музыкой, обучаясь игре на фортепиано и флейте (с педагогом), а позже, в 13 лет, на виолончели (самостоятельно). С тех пор это

редкое сочетание двух различных призваний проходит через всю его жизнь.

Музыкальная одаренность мальчика проявилась в написании в девятилетнем возрасте польки «Helen». В четырнадцатилетнем возрасте он создал первое серьезное музыкальное произведение – концерт для флейты с фортепиано. Уже в детские годы был неплохо знаком с классической музыкальной литературой.

Однако занятиям наукой и получению высшего образования препятствовало всё то же «незаконное» происхождение молодого человека, которое, при отсутствии легальной возможности изменения общественного статуса, вынудило мать путем взятки чиновникам Тверской казённой палаты записать молодого Бородина в Новоторжское третьей гильдии купечество. Теперь путь в высшее учебное заведение «купцу» Бородину был открыт.

И он выбрал путь вольнослушателя очень авторитетного в России учебного заведения – Медико-хирургической академии в Петербурге.

В годы учения в Медико-хирургической академии (1850-1856) – центре прогрессивной естественно-научной мысли России – сформировалось научное материалистическое мышление Бородина, укрепилась его любовь к химии и медицине.

В марте 1857 года, после окончания Академии, молодой медик был назначен ординатором Второго военно-сухопутного госпиталя, где познакомился с находившимся там на дежурстве офицером Модестом Мусоргским. Думали ли они,

что это знакомство перерастет в многолетнюю дружбу и сотрудничество на ниве русской музыки?!

В 1858 году Бородин получает степень доктора медицины, проведя химические исследования и защитив диссертацию на тему «Об аналогии фосфорной и мышьяковой кислот в химическом и токсикологическом отношении». В 1858 году Военно-медицинский ученый совет направил Бородина в Солигалич для изучения состава минеральных вод основанной в 1841 году купцом В.А. Кокоревым водолечебницы. Отчет о работе, опубликованный в 1859 году в газете «Московские ведомости», стал настоящим научным трудом по бальнеологии, принесший автору широкую известность.

Двумя годами позже он познакомился с Д.И. Менделеевым, И.М. Сеченовым и другими русскими учеными, совершил вместе с ними поездки в Италию, Германию и Швейцарию (1859-1862) для совершенствования своих познаний в химии и медицине. Это знакомство и многолетнее общение с ними оказало благотворное влияние на его жизнь и деятельность.

Будучи в Германии, в Гейдельбергском университете, Бородин летом 1861 года знакомится со своей будущей женой – талантливой пианисткой Екатериной Сергеевной Протопоповой, которая находилась там на лечении. Благодаря Екатерине Сергеевне Бородин познакомился со многими фортепианными произведениями, в частности, с пьесами Шопена и Шумана. Осенью здоровье Протопоповой ухудшилось, и она продолжила лечение в Италии.

Бородин нашел возможность

последовать за ней в Пизу, не прерывая своих химических исследований. Именно в Пизе были впервые получены фторорганические соединения и проведены другие работы, которые принесли ученому *мировую славу*.

Тогда же Бородин и Протопопова решили вступить в брак, однако по возвращении в Россию денег на свадьбу не оказалось, ее пришлось отложить. Венчание состоялось только в 1863 году. Надо заметить, что материальные проблемы преследовали семью всю жизнь, вынуждая Бородина много трудиться – заниматься переводами иностранной литературы, преподавать химию в Лесной академии в Петербурге.

В 1860 году Бородин принял участие в работе Международного химического конгресса в Карлсруэ по установлению основных химических понятий, что имело огромное значение для развития химии в мире. Известность его как химика растет, что отражается и в служебном росте. С 1864 года Бородин является профессором Медико-хирургической академии, с 1874 года – руководителем химической лаборатории Академии.

Надо особо подчеркнуть, что Бородин был учеником и ближайшим сотрудником выдающегося русского ученого-химика Николая Зинина, вместе с которым в 1868 году стал *членом-учредителем Русского химического общества*.

Заслугой Бородина в области химии является открытие способа получения бромзамещенных жирных кислот действием брома на серебряные соли кислот, *первым в мире* в 1862 году он получил фторорганическое соединение –

фтористый бензоил; провел исследование ацетальдегида, описал альдоль и химическую реакцию альдольной конденсации, которые он открыл независимо от французского химика Ш.А.Вюрца (здесь приоритет за Бородиным). Дальнейшие исследования Бородина относятся к области физиологической химии и санитарно-химических проблем. Занимается он также исследованиями дезинфекционных средств.

Являясь одним из наиболее ярких представителей передовой русской профессуры, Бородин вел большую и плодотворную общественную деятельность. Он способствовал развитию высшего женского образования в России, был одним из организаторов Петербургских женских врачебных курсов (1872-1887), где читал химию.

В своей научной, общественной и педагогической деятельности Бородин выступал как защитник и энтузиаст науки и просвещения, как патриот, честно исполняющий дело служения русской науке и отстаивания ее приоритетов.

Значительное внимание Бородин уделял работе со студентами. Как и большинство выдающихся деятелей русской науки и культуры, он придерживался *демократических* взглядов. Пользуясь своим авторитетом, Бородин защищал студентов от преследования властей в трудный для страны период после убийства императора Александра II.

И все-таки большинство следящих за развитием мысли и культуры связывают имя Бородина с его *музыкально-творческой* деятель-

ностью. Действительно, для международного признания российской культуры огромное значение имели музыкальные произведения Бородина, благодаря которым и он сам получил широкую мировую известность именно как композитор, а не как деятель науки, которой посвятил большую часть своей жизни и в которой добился выдающихся успехов.

Как мы уже отмечали, музыкальный талант Бородина проявился в раннем детстве. В период учебы в Медико-хирургической академии он активно участвовал в музыкальных кружках интеллигенции, создал ряд произведений, в том числе струнное трио на тему народной песни (1853). Трио написано в стиле Михаила Ивановича Глинки – любимого композитора Бородина. О школе Глинки Бородин уже в конце 50-х годов писал как о *«нашем направлении в музыке»*.

Увлечение Бородина музыкой вызывало неудовольствие его научного руководителя Н.Н. Зинина, считавшего, что занятия музыкой отвлекают от серьезной научной работы. По этой причине во время своей стажировки за границей Бородин, не отказавшись от музыкального творчества, вынужден был скрывать его от коллег.

Находясь в командировке за границей, Бородин, наряду с совершенствованием своих научных знаний, использовал время для основательного изучения западной классической музыки. По возвращении в 1862 году на родину Бородин познакомился с Милием Алексеевичем Балакиревым и впоследствии вошел в кружок молодых, одаренных в музыке людей,

составивших «Могучую кучку», как метко назвал ее выдающийся критик и искусствовед В.В.Стасов. В состав «кучкистов», кроме Балакирева, вошли Модест Петрович Мусоргский, Николай Андреевич Римский-Корсаков и Цезарь Антонович Кюи. Владимир Васильевич Стасов на многие годы стал как бы «дядькой» молодых русских талантов.

Деятельность балакиревского кружка была тесно связана с общим направлением русской передовой культуры 60-х годов и во многом определялась влиянием революционных идей великих просветителей-демократов В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

Конец XIX века ознаменовался быстрым ростом капитализма. Социально-экономические сдвиги породили и изменения в сфере искусства. На 30 лет позже, чем в Европе, но всё же нашли здесь питательную почву декадентство и модернизм. Отошел, казалось, в прошлое разночинно-демократический период русской культуры. Лишь немногие деятели искусства и литературы продолжали бороться за утверждение в новых условиях его эстетических программ. Одним из них был Стасов. К нему тяготели Мусоргский и Бородин.

Молодые композиторы «Могучей кучки» очень часто встречались для показа и обсуждения своих новых произведений, пусть даже незаконченных. Нередко это происходило на квартире у последователя Глинки композитора Александра Сергеевича Даргомыжского на Моховой улице. Тут звучали не только произведения самого Даргомыжского, который

рад был их показать. Вот как об этом рассказывает В.В. Стасов: «Один показывал новое скерцо, другой – романс, третий – часть симфонии или увертюру, четвертый – хор, еще иной – оперный ансамбль. *Какое это было раздолье творческих сил! Какое роскошное торжество фантазии, вдохновенья, поэзии, музыкального почина! Все толпой собирались около фортепьяно... и тут шла тотчас же проба, критика, взвешивание достоинств и недостатков... Талант, одушевление, строгая художественная работа, веселость – били ключом*» (выделено мной. – Ю.С.).

В один из вечеров поклонница Даргомыжского и Глинки Александра Николаевна Пургольд спела новое произведение Бородина – романс «Песня тёмного леса» на слова самого композитора:

Темный лес шумел,

Темный лес гудел,

Песню пел;

Песню старую,

Быль бывалую

Сказывал:

Как жила там воля-волюшка

Вольная;

Как собиралась там сила-

силушка

Сильная.

Пению аккомпанировал автор. В медленно раскачивающейся мелодии, тяжелой и суровой, слышится глухое гуденье леса, чувствуется мощь и твердая воля. Присутствующие хорошо понимают призыв к борьбе за свободу, заключающийся в ней:

Как та волюшка разгулялася,

Как та силушка расходилася,

На расправу шла волюшка

И над недругом потешалася,

Кровью недруга упивалася

Досыта

Воля вольная,

Сила сильная.

Не сразу удалось опубликовать этот романс. Тайный его смысл от цензуры не укрылся. Тогда «кучкисты» пошли на хитрость. Зная, что один из цензоров благожелательно относится к Римскому-Корсакову, они придумали следующее: Николай Андреевич вложил между двумя своими романсами самого невинного смысла «Песню темного леса» Бородина. Цензор подписал, как всегда, его вещи, не читая, и заодно произведение Бородина.

Одним из основных сочинений Бородина является опера «Князь Игорь». Он давно хотел написать оперу и просил Стасова найти для нее сюжет. Стасов предложил ему широкий выбор тем, но ни одна из них долгое время не привлекала Бородина.

И вот в апреле 1869 года В.В. Стасов предложил Бородину в качестве оперного сюжета замечательный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (1185-1187). По словам композитора, сюжет пришелся ему «ужасно по душе». Чтобы глубже проникнуться духом старины, Бородин побывал в окрестностях Путивля (под Курском), изучал исторические источники: летописи, старинные повести («Задонщина», «Мамаево побоище»), исследования о половцах, музыку их потомков, былины и эпические песни. Здесь большую помощь композитору оказывал Стасов, работавший в Публичной библиотеке и являвшийся крупнейшим знатоком русской истории и древней литературы.

Текст и музыка «Князя Игоря» сочинялись одновременно. Опера писалась в течение 18 лет («мешали» занятия химией), но не была завершена. После смерти Бородин Александр Константинович Глазунов, ученик и последователь Римского-Корсакова, по памяти восстановил увертюру и на основе авторских эскизов дописал недостающие эпизоды оперы, а Римский-Корсаков инструментовал большую ее часть. Премьера прошла с большим успехом 23 октября (4 ноября по н.ст.) 1890 года в Петербурге, на сцене Мариинского театра.

«Слово о полку Игореве» повествует о походе князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев. Из тщеславия он захотел добиться победы без помощи других князей и потерпел поражение. Осуждая междоусобные распри, неизвестный создатель поэмы страстно призывал русских князей к единению. Композитор подчеркнул в опере не столько политическую направленность «Слова», сколько его *народно-эпические* черты. Игорь в опере близок по духу к образам *былинных богатырей*.

Самому композитору были очень близки по духу произведения эпической широты и мужественности, прославляющие подвиги русского народа.

Чтобы оттенить облик Игоря, Бородин по совету Стасова противопоставил ему фигуру князя Галицкого, олицетворяющего собой стихию вражеских раздоров.

«Князь Игорь» – народно-эпическая опера, близкая к «Руслану и Людмиле» Глинки, как отмечал сам композитор. Эпический склад «Игоря» проявляется в *богатыр-*

ских музыкальных образах, в масштабности форм, в неторопливом, как в былинах, течении действия.

Особое место в творчестве Бородина занимают симфонии. Первая симфония, написанная в 1867 году и увидевшая свет одновременно с первыми симфоническими произведениями Н.А. Римского-Корсакова и П.И. Чайковского, положила начало *героико-эпическому направлению русского симфонизма*. Вершиной русского и мирового эпического симфонизма признается *завершенная в 1876 году Вторая симфония*, которую Стасов впоследствии метко назвал «*Богатырской*». Эта симфония вошла в репертуар лучших симфонических коллективов Европы и мира и составляет золотой фонд мировой симфонической музыки.

Наряду с Глинкой, Римским-Корсаковым и Чайковским Бородин можно назвать творцом *русской национальной симфонии*. Во второй половине XIX века *ни одна страна в мире не дала в области симфонизма ничего равного творчеству Чайковского и Бородина!* Сбылось светлое пророчество великого Михайлы Васильевича Ломоносова, утверждавшего, что русский человек не уступит другим народам ни в каком виде созидательного творчества.

Мощная динамика и стремительный порыв сочетаются в симфониях Бородина с широкой распевностью и мерной поступью, напоминая по стилю *народное эпическое повествование*.

Бородин является основоположником русской инструментальной камерной музыки. Его два

струнных квартета, написанные в 1879 и 1881 годах, во всем мире считаются величайшим образцом *квартетной музыки*. Недаром советские музыканты в 1945 году в Московской консерватории имени П.И. Чайковского (в классе камерного ансамбля профессора М.Н. Тэриана) образовали струнный квартет, который вскоре стал знаменитым и в 1955 году получил имя А.П. Бородина.

В первом составе этого квартета были Р.Дубинский (1-я скрипка), В. Рабей (2-я скрипка), Ю. Николаевский (альт), М. Ростропович (виолончель). Искусством этого квартета, получившего *мировое признание* и в котором сменилось уже не одно поколение музыкантов, мы наслаждаемся до сих пор.

Бородин – не только мастер инструментальной музыки, но и тонкий художник камерной вокальной лирики, ярким образцом которой является элегия «Для берегов отчизны дальней» на стихи А.С. Пушкина. В ней с особенной силой композитор передал благородную простоту, глубину и сдержанность чувства, выразил их в идеально стройной музыкальной форме. Композитор первым ввел в романс образы русского богатырского эпоса, а с ними освободительные идеи 1860-х годов (это и знакомая нам «Песня темного леса», «Спящая княжна», «Морская царевна», «Море»). Не чужд Бородин сатирических и юмористических песен («Спесь» на слова А. Толстого, «У людей-то в дому» на слова Н. Некрасова, музыкальная сценка «Серенада четырех кавалеров» на собственный текст).

В 1877 году Бородин познакомился с выдающимся венгерским

композитором Ференцем Листом, который был восхищен сочинениями Бородина и до конца своих дней пропагандировал его музыку. Тут отметим, что Лист был очень высокого мнения о Глинке и композиторах «Могучей кучки», сделал много переложений их произведений для фортепиано и исполнял их.

Еще при жизни Бородина его произведения исполнялись в Германии, Бельгии, Франции, Америке. Опера «Князь Игорь» с конца XIX века ставится в Чехии, Франции и в других странах. Музыкальное творчество композитора получает международное признание. В XX веке произведения Бородина – желанные гости на симфонических эстрадах и оперных сценах мира.

Самобытное творчество Александра Порфирьевича Бородина отличалось глубоким проникновением в строй как русской народной песни, так и музыки народов Востока (в опере «Князь Игорь», в симфонической картине «В Средней Азии» и других симфонических произведениях) и оказало заметное воздействие на русских и зарубежных композиторов. Традиции его музыки продолжили выдающиеся советские композиторы Сергей Прокофьев, Юрий Шапорин, Георгий Свиридов, Арам Хачатурян и другие.

Последние крупные произведения Бородина – симфоническая картина «В Средней Азии» (1880) и Третья симфония (1887), оставшаяся неоконченной. Не успел Мастер дописать ее, как и не полностью закончил «Князя Игоря»...

На масленой неделе, 15 (27) февраля 1887 года, Бородин создал

к себе гостей на костюмированный вечер. Общество собралось небольшое, но очень приятное. Все веселились от души. Александр Порфирьевич, одетый в малиновую шерстяную сорочку и темносиние шаровары, провальсировал с одной из дам, потом перекинулся несколькими фразами с профессором Пашутиным, бросил какую-то галантную шутку и... рухнул на пол. Бородин окружили врачи, но их усилия оказались тщетными...

В ночь на 16 февраля посыльный с письмом разбудил Стасова: умер Бородин. Весть эта отозвалась страшной болью в сердце критика. «Прочитав письмо, – сообщал он дочери, – я и сам чуть с ног не свалился, а потом полночи ходил один по темным комнатам как растерянный». Рано утром Стасов этим известием всполошил всех в квартире у Римских-Корсаковых на Владимирском проспекте. Вдвоем с Николаем Андреевичем они поехали в квартиру Бородина, который жил в здании естественноисторического института Академии.

Они бережно собрали все бумаги, где был хоть один нотный знак, и Корсаков отвез рукописи к себе домой. В тот же день Стасов побывал у Глазунова, на Казанской улице. Рассказал о несчастье и попросил молодого композитора помочь Николаю Андреевичу в работе над автографами Бородина.

...Груды земли кажутся особенно черными на снегу. Венки: «Великому русскому музыканту – от товарищей и почитателей», «Основателю, охранителю, поборнику женских врачебных курсов, опоре и другу учащихся»... Много венков. Гроб с телом Бороди-

на, который студенты несли на руках от Академии до Тихвинского кладбища Александро-Невской лавры, опустили в могилу, вырытую рядом с могилой Модеста Петровича Мусоргского. Они и здесь оказались рядом – эти два исполина русской культуры, два богатыря русской музыки.

Минуло несколько недель. Римский-Корсаков сообщил Стасову, что предварительная работа над рукописями Бородина закончена. Ближайшие друзья покойного собрались в его академической квартире на совет. Николай Андреевич положил на стол папки с нотами, рядом поставили портрет Бородина, чтобы он был, как писал Стасов, «здесь молчаливым свидетелем и как бы председателем собрания». Был составлен единодушно одобренный план, по которому Глазунову поручалось записать на память увертюру к опере «Князь Игорь», игранную много раз покойным, досочинить все недостающие места в третьем акте, а Римский-Корсаков взялся оркестровать, досочинить и привести в систему все, что осталось после Бородина.

«Римский-Корсаков теперь уже в третий раз приступил к этому высокому и трогательному делу: *заканчивая для публичного исполнения и всеобщего пользования музыкальных творений крупных русских композиторов... однажды он кончил и поставил на сцену «Каменного гостя» Даргомыжского, другой раз – «Хованщину» Мусоргского; теперь очередь пришла и для «Игоря» Бородина.* Нельзя было уже вперед не быть глубоко уверенным, что такой высокий художник, как Римский-

Корсаков, исполнит свое дело с таким *священным почтением к памяти усопшего композитора, с таким мастерством и великолепным результатом*, как этого не в состоянии был бы исполнить ни один из всех его товарищей, какие у нас есть налицо», – писал Стасов (выделено мной. – Ю.С.).

Глазуновым же были восстановлены по эскизам две части незавершенной Третьей симфонии Бородина.

Это был не только беспримерный в истории музыки акт творческой солидарности, дружбы и взаимопомощи, но и пример высокой нравственности и бескорыстного служения музыкальному делу. Вот пример высокой этики, столь нужный и важный в наше расчетливое, корыстное и человеконенавистническое время! Вот кто мог бы быть образцом для подражания! Вот надо делать жизнь с кого!

На мой взгляд, представители новой русской школы в лице Римского – Корсакова (по совокупности особенно!) и Глазунова совершили *творческий подвиг*, который можно поставить в один ряд с подвигом Николая Островского. Нельзя забывать, что сам Римский-Корсаков в это время был полон творческих замыслов, которые он отложил, чтобы исполнить свой нравственный долг перед соратником. Они показали высокую силу духа и отзывчивое, доброе русское сердце. То сердце, о котором прекрасно сказал Николай Алексеевич Некрасов:

*В рабстве спасенное
Сердце свободное –
Золото, золото
Сердце народное!*

Подытоживая творческое наследие Бородина, друг и соратник русских музыкантов В.В. Стасов писал: *«Талант Бородина равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере и в романсе. Главные качества его – великанская сила и ширина, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенная с изумительной страстностью, нежностью и красотой!».*

Подобно всем крупнейшим явлениям русского классического искусства, творчество Бородина исполнено *высоких и благородных гуманистических идей*. Его музыка опирается на *богатый фольклор народов России*, подчеркивает идею *величия русского народа, преданность родной земле, воспевает дружбу народов всех национальностей*.

Музыкальное и научное творчество великого композитора и выдающегося ученого, русского богатыря Александра Порфирьевича Бородина оказало существенное влияние на благотворное развитие последующих поколений как в России, так и в мире. Его выдающиеся достижения как в области науки, так и в сфере музыки доказывают многогранность и богатырскую широту таланта русского человека. Имя Бородина навсегда вошло в галерею великих духовных охранителей и пропагандистов русской культуры, в галерею ее бесценных сокровищ. Имя это – одно из многих, составивших славу России.

Нам есть за кем следовать и у кого учиться! Дорогу осилит идущий!